

МЕТОД ЖЕНЩИНЫ

Читайте захватывающие
детективные мелодрамы

ГАЛИНЫ РОМАНОВОЙ

Расплата за наивность	Осколки ледяной души
Встретимся в другой жизни	Счастье по собственному желанию
Я – его алиби	Любвеобильный джекпот
Девушка с секретом	Длинная тень греха
Блудница поневоле	Личное дело соблазнительницы
Неплохо для покойника	Большие проблемы
Стервами не рождаются!	маленькой блондинки
Дожить до утра	Красотка печального образа
Крестный папа	Ночь с роскошной изменницей
Ничто не вечно под луной	Окно в Париж для двоих
Миллион причин умереть	Лицензия на happy end
Рыжая-бесстыжая	Черная корона
Охотники до чужих денег	Рыцарь чужой мечты
Мужей много не бывает	Демон искушения
Ты у него одна	Грешница в шампанском
Любитель сладких девочек	Принцип Отелло
Игры в личную жизнь	Исполнительница темных желаний
Черт из тихого омута	Жизнь нежна
Обмани меня красиво	Мода на чужих мужей
Старая тайна, новый негодяй	Пока смерть не разлучит нас
Миллионерша поневоле	Завтра не наступит никогда
Внимание: неверный муж!	Пять минут между
В любви брода нет	жизнью и смертью
Последняя ночь с принцем	Любовь окрыляет

Единственная моя	Закон сильной женщины
С первого взгляда	Без вины преступница
Второй подарок судьбы	Пленная птица счастья
Зеленые глаза викинга	Ничего личного, кроме боли
Тайна, приносящая смерть	Заговор обреченных
Цвет мести – алый	Узнай меня
Не доставайся никому!	Заповедник потерянных душ
Чужая жена – потемки	Ангел мщения
Возвращаться – плохая примета	Первый шаг к пропасти
Врачебная тайна	Вкус запретного плода
Призрак другой женщины	Исповедь обманутой жены
Тайну хранит звезда	Свидетельницы зла
Семь лепестков зла	Королева отшельников
Свидание на небесах	Игры небожителей
Ведьма отмщения	Грех с ароматом полыни
Программа защиты любовниц	Кукла-любовь
Кинжал в постели	Позови ее по имени
Гнев влюбленной женщины	К северу от любви
Лучший день в году	Пепел прошлого
Нирвана для чудовища	Без крестной феи
Незнакомка с тысячью лиц	Псевдоним украденной жизни
Последнее прибежище негодяя	Цена откровения
Счастье с третьей попытки	Конец игры с продолжением
Подвенечный саван	Шоу семейных секретов
Заключение счастья	В интересах личного дела
Торговка счастьем	Правда персонального формата
Амур с оптической винтовкой	Простить нельзя помиловать
Месть Спящей красавицы	Лабиринт простых сложностей
Демон ревности	Теория вероятного чуда
Преступно счастливая	Забавы мертвых душ
Изменница поневоле	

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ
ПОМИЛОВАТЬ**

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.
Р69 Простить нельзя помиловать : роман /
Галина Романова. — Москва : Эксмо,
2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-181337-6

Прошло три с половиной года с тех пор, как пропала любимая девушка майора Полякова – Мария Белозерова. Тогда в городе действовал маньяк, насильник и убийца, и Машу сочли его жертвой. А сейчас неподалеку от дома Полякова найдено тело женщины. Несчастную убили полгода назад, генетический анализ показывает, что это не Маша, но на ней вещи, в которых пропавшая Белозерова была в день своего исчезновения! Майор Поляков под подозрением и отстранен от дела, но он начинает самостоятельное расследование вместе с местным тележурналистом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181337-6

© Романова Г.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ШАВА 1

Рваные облака метались в мутном небе, как клочья пены в грязной воде. Солнце застыло белым пятном высоко над заливом, на берегу которого он сейчас стоял. Было холодно и сыро. Дождь без конца накрапывал и тут же прекращался, сбегая вместе с пухлой тучей под порывами ледяного ветра.

Он отчаянно мерз. И легкая ветровка его на плечах давно промокла. И носков он не надел, собираясь на берег всего на пять минут. Надо было развернуться и уйти в теплый дом. До него всего двадцать пять метров. Он считал шагами. Метровыми.

В доме Таня. Она уже приготовила завтрак — красивый, полезный. По всем правилам. После ее завтрака он часов до пяти вечера не хотел есть. Она красиво накрыла на стол, как всегда. Обязательно скатерть. Непременно дорогая посуда. И приборов в достатке. Все как с картинки. Все как в кино.

Они усаживались за стол напротив друг друга. Ели молча. Она прикрывалась газетой. Почему-то для нее было важно разживаться с утра информацией непременно с бумажных носителей. Он

читал новости в телефоне, положив его за тарелкой. Время от времени они отпускали какие-нибудь реплики по поводу неожиданностей. Потом снова погружались в чтение. И так до конца завтрака. Потом Таня некрасиво складывала газету, скорее, даже комкала ее. Коротко улыбалась ему. И принималась убирать со стола. Он шел в душ. Собирался. И, поцеловав ее в щеку у порога, уезжал в город. Он там работал. Таня, он точно знал, уезжала спустя полчаса. Она тоже работала в городе. В течение дня они не пересекались и почти не созванивались. Крайне редко. Если только ему или ей надо было сообщить, что к ужину не успевает. И что кому-то из них придется ужинать в одиночестве.

Он не знал, как она без него ужинала. Так же, за красиво накрытым столом, или с тарелкой в руках возле панорамного окна. Он делал себе бутерброды, наливал в маленький термос чай и шел на залив. Там у него имелась заветная скамейка. На нее он усаживался и жевал свои бутерброды, запивая их огненным чаем. Скамейка служила ему круглый год. И просиживать он на ней не мог, если только с небес лило как из ведра. Есть мокрый от дождя хлеб с колбасой было глупо. Все остальные погодные условия ему не мешали. Он сидел здесь и в мороз, и в снегопад.

В снег он особенно любил ужинать на скамейке. Мерз, но настойчиво сидел, уставившись на покрывшийся толстым льдом залив. Мерз и думал, думал, думал...

Когда она пропала — любовь всей его жизни, нежность его, печаль его, — была такая вот по-

года: мороз, метель, темнота. И он думал, что она просто заблудилась. Просто не нашла дорогу к его дому на заливе. Вышла из такси и перепутала направление. Свернула не туда и попала в соседний поселок. Или в другой: тот, что был левее. Или правее. Маленьких хуторов на заливе было очень много. Дворов на десять, а то и пять. Их было с дюжину разбросано по берегу.

Он все их объездил. Обошел все тропы. Рыл снег на берегу, пытаясь отыскать ее следы. Ничего! Ни единого намека, что его любимая Маша где-то там побывала. После того, как она вышла из такси на автобусной остановке, ее никто никогда больше не видел.

— Тимофей, тебе надо научиться жить без нее, — советовал ему Машин родной брат. — Так нельзя!

— Ты научился? — смотрел на него Тимофей запавшими от горя глазами.

— Я хотя бы стараюсь. А ты...

А он не хотел учиться, не хотел стараться. Он вообще без нее жить не хотел. И лез в пекло на заданиях, за что его однажды чуть не уволили из органов. Пытался уехать в одну из горячих точек, непустили.

— Если хочешь знать, Поляков, то такие дела с ней не прокатывают. — Полковник закатывал глаза куда-то к потолку. — Она сама тебя найдет, когда придет твой час. А так можешь лишь покалечиться и инвалидом остаться. Есть кому за тобой ухаживать?

Он его слушал и не слушал. Но стал ждать — своей преждевременной кончины. Особенно не

страховал себя в серьезные моменты. Но и на рожон не лез. Раз полковник говорит, значит, знает. Да и ухаживать за ним некому. Была Маша, да пропала...

Он скорее почувствовал, чем услышал, как дверь его дома открылась и закрылась. И Таня встала на террасе со скрещенными на груди руками. Она не будет его звать к завтраку. Она просто будет стоять немым изваянием, с бессловесным укором глядя ему в спину.

Интересно, в такие минуты, повторяющиеся все чаще, она угадывает его тоску? Понимает, о чем он думает? Никогда не спрашивает. Ни единого намека, что догадывается о его почти полном равнодушии к ней.

Он же не любит ее! И не любил никогда. Скрывать не стал, когда она принялась оказывать ему знаки внимания.

— Я никого больше не полюблю, Таня, — признался он ей в самый первый вечер, когда они ужинали в ресторане.

Пригласила она.

— Переживу, — усмехнулась она коротко, прикрывая лицо высоким бокалом с вином.

— Со мной будет сложно. Я... Я не могу забыть ее лицо, смех, походку. Я все еще люблю ее, словно она рядом.

— Ты считаешь меня уродиной? — перебила его Таня.

Она смотрела серьезно, без обиды или намека на слезы. Просто поставила бокал между своей тарелкой и салатником. Посмотрела на него, как на своего подчиненного, и задала этот вопрос.

Он внимательнее к ней присмотрелся, чтобы не врать с самого начала.

Черные волосы до плеч, очень темные. Возможно, она их подкрашивала, а возможно, такими они были у нее от рождения. Черные глаза. Непроницаемые, как два угля. Смуглая кожа и яркие губы. Тонкие запястья и изящные пальцы с красивыми ухоженными ногтями. Хорошая фигура. Все в ней было почти безупречно.

Но она не была его Машкой!

— Она — не ты, — выпалил он и тут же поспешил извиниться: — Прости.

— Ты считаешь меня уродиной? — повторила она вопрос, никак не отреагировав на его реплику.

— Нет, нет, что ты! — поспешил он исправиться. — Ты красивая, Таня. Даже очень.

— Этого достаточно, — прервала она его следующую фразу, которую он пытался начать с «но». — Я не уродина и свободна. Ты свободен. И ты мне нравишься. Этого достаточно.

— Для чего? — Он все еще пытался сопротивляться ее напору.

— Для того, чтобы как-то существовать рядом.

Как она четко все обозначила тогда! Существовать — не жить. Рядом — не вместе. Так все и было с самого начала. Так продолжилось. И ничего до сих пор не изменилось, хотя в его доме она живет уже два года.

Она готовит ему завтраки и ужины. Застилает постель. Стирает и гладит одежду. Уборкой в доме занимается соседка, которой сама же Таня и платит. Он подозревал, что и остальную работу

по дому делает Нина Николаевна, просто Таня в этом ему не признается.

А ему все равно...

Он услышал шорох ее шагов. Таня не выдержала долгого ожидания и шла к нему, чтобы позвать на завтрак. Чтобы рядом постоять. Чтобы посмотреть тем самым взглядом, от которого ему весь день потом будет неловко.

— Куртка совсем промокла. — Ее ладони легли ему на плечи со спины. — Идем в дом, Тима. Схватишь сезонную простуду. Тебе нельзя болеть. Без тебя никак.

Он осторожно шевельнул плечами, ладони с его плеч исчезли. Глубоко вздохнув и выдохнув, он повернулся к ней с легкой улыбкой.

— Идем. Наверное, все остыло. Извини, что задерживаю тебя.

— Все нормально. Я сама немного припозднилась с завтраком. Оладьи подгорели. Пришлось делать омлет. И каши сегодня не будет.

— Не страшно, — беспечно отозвался он. — Ты знаешь, как я не люблю кашу.

— Знаю, — с легким смешком подтвердила Таня, взяла его под руку и повела к дому. — Но это полезно. Приходится есть. Фу, Поляков, куртка совершенно мокрая.

У порога он снял кроссовки, повесил на плечики промокшую куртку и босым пошел к столу.

Скатерть, приборы, белоснежный фарфор, омлет под блестящим металлическим колпаком — все как в журнале. Он сел за стол напротив Тани. Она сняла металлический колпак с блюда, на тарелку ему тут же упали несколько

рыхлых ломтей омлета и два огуречных кружка. Зашуршала газета. Танина голова скрылась за ней. Со вздохом, ткнув пальцем в телефон, он перешел в раздел новостей. Минуту ничего, кроме звяканья их вилок о тарелки, не было слышно. Потом газета натянулась в ее руках, замерла, тут же скомкалась посередине, и на него глянули ее изумленные новостью глаза.

— Ты... Ты это читал?! — Таня указала подбородком на скомканную газету в ее руках.

— Что именно?

— В разделе происшествий!

Ее смуглое лицо сделалось желтоватым, так она бледнела.

— Я еще не дошел. Что там?

Он вообще-то дома никогда не читал подобных новостей. Хватало сводок происшествий на работе. Татьяна же, напротив, ими зачитывалась. И даже пыталась их обсуждать и предполагать ход следствия. Он в ее рассуждениях никогда участия не принимал, считая это чудачеством.

— Там... — Желтизна ее щек сделалась почти прозрачной. — Там про нее...

— Про кого? — нацепленный на вилку огуречный кружок чуть дрогнул.

— Кажется, про твою Машу. Кажется, они нашли ее.

Утренний холод, который он почти не замечал на берегу залива, кажется, только-только до него добрался. Стало так холодно, что зубы лязгнули.

— Кто нашел? Где нашел? — стараясь говорить нормальным, не дребезжащим голосом, спросил Тимофей. — Когда нашел? Почему счи-

таешь, что это Маша? Черт! Меня не было на работе два дня. Я ничего не знаю. Я сводок не читал!

— Нашли вчера рано утром. Недалеко от твоего дома. — Ее губы дрожали, голова опустилась. — Дождями подмыло берег. И тело...

— Дай сюда! — громко приказал он, хватая из ее рук скомканную газету.

Она все еще держала ее в руках крепко-крепко. А он дернул. И оторвал гигантский клоч, уничтожив статью. Треск рвущейся бумаги показался ему оглушительным.

— Да что же такое-то!

Он вскочил со стула, едва его не опрокинув. И метровыми шагами рванул в дальнюю комнату, куда Тане был вход запрещен. Это была его комната с Машей. Любимая их комната.

В ней почти не было мебели. Только старый плюшевый диванчик на два места, который они отодвинули от стены поближе к широким окнам в пол. Вид из них открывался потрясающий. Весь залив был как на ладони. А также сосны, нависшие над водой и чудом цепляющиеся корнями за песчаный берег. И еще противоположный берег справа виднелся. Чуть-чуть совсем. Тоненькой полоской, но угадывался. И ночами эта узкая полоска суши светилась крохотными точками далеких огней. И Маша называла их светлячками. И зазывала его вечерами поглазеть на светлячков.

Они усаживались на диванчик — скрипучий, жесткий, с пружинами, впивающимися в спины. Прижимались тесно друг к другу. Смотрели на мерцающие огни на линии горизонта. И молчали.

Им и не надо было говорить ни о чем. Их молчание было славным, сладким, обволакивающим. Сколько раз за минувшие три с половиной года он мечтал все это повторить? Сколько надеялся? Сосчитать невозможно. Он думал, мечтал, надеялся всегда. Каждый день без исключения.

Вот-вот, уже скоро, Машка вдруг объявится. Живой и невредимой. Встанет на пороге его дома с виновато опущенной головой и признается...

Да бог знает в чем она могла ему признаться! В неожиданной страсти, которой она поддалась. В бегстве от долгов, которые она от него скрывала. И даже в том, что по наивности попала в сексуальное рабство.

Плевать! Ему было плевать на причину, из-за которой она отсутствовала три с половиной года. Он готов был простить ей все-все-все. Лишь бы она вернулась. Лишь бы она была жива.

А что теперь?! Ни надежды, ни возвращения, ни прощения! Ничего этого не будет! И как...

И как ему теперь с этим жить?!

ШАВА 2

Он и Она...

Он и она — и никого больше. Ни рядом, ни отдаленно, ни в мыслях. Или, как это теперь принято говорить: по умолчанию. Все, чтобы чисто было между ними. Открыто. Искренне и любяще. Он всегда об этом мечтал. Всегда этого требовал от своих женщин. Те не всегда понимали, глупые.

Со временем принимались скучать и желать кого-то еще. Детей!

— Зачем они? — изумлялся он всякий раз подобным желанием. — Сопли, слюни, ор, бессонные ночи, болезни. Ты в своем уме, чтобы желать этого?

Не дожидаясь, как правило, ответа, он принимался рисовать картину ужасной жизни с детьми. Никакой свободы. Отдыха на островах. Постоянные траты, по большей части бесполезные.

— Ты готова сократить свое довольствие ради орущего эгоиста? — изумленно округлял он глаза. — Готова отказаться от платья, туфель, сумочки ради пластикового танка или автомата?

Некоторые, подумав, говорили, что нет, не готовы жить в ущерб себе и своим привычкам. Некоторые, подумав, были готовы к жертвам. С этими он расставался сразу. Первые, насладившись эгоизмом еще какое-то время, уходили сами. Он потом узнавал: они благополучно выходили замуж и рожали детей. И конечно, расплзались в талии и бедрах.

Фу-у-у! Этого он не выносил в женщинах. Мужчине, он считал, прощительно быть обладателем лишнего веса. В конце концов, он добытчик, воин, самец. Дополнительный сантиметр подкожного жирка не помешает. Расходуя столько жизненных сил и энергии, мужчина должен иметь запас.

Он покрутился голышом перед зеркалом и тут же накинул на себя махровый белоснежный халат.

В свои пятьдесят четыре года он выглядел потрясающе. Мускулист, подтянут, смугл и гладок кожей. Темные волосы не тронуты сединой. Легкая сетка морщин в углах глаз его не портила. И особенно его не портило состояние его банковских счетов. Все это — внешность и достаток — внушало ему уверенность, что он вправе требовать от женщины того, чего захочет.

Все были послушными. Почти все. Непослушных он изгонял сразу. Капризных дурочек ему только не хватало! Укрощать строптивых ему наскучило давно. Хотелось мягкости и покорности. Но...

Но была одна женщина, которую он готов был терпеть всякой. И строптивой, и ноющей, и в слезах, и непричесанной. С ней он давно расстался. Правильнее, она сама от него ушла. Но, несмотря на это, он помнил о ней. И каждую следующую свою даму с ней сравнивал.

— Может, ты ее любишь, Федя? — подозрительно щурился в его сторону его лучший друг и бывший партнер по бизнесу Иван.

Почему бывший партнер? Потому что Федор продал ему свою долю в бизнесе за очень хорошие деньги. И наслаждался теперь и покоем, и тишиной, и искренней дружбой.

— Кого? Таньку? Люблю? — делал он ужасные глаза. — Смеешься! Что вообще такое любовь?

— Скажу банальность, но любовь каждый понимает по-своему. Для кого-то это поэзия. Для кого-то секс. Кому-то боль. У тебя вот — непроходящая досада.

— Ой, да ладно! — посмеивался Федор.

Но в глубине души не мог с ним не согласиться. Таня бросила его почти на заре их отношений. Он еще толком не успел разобраться ни в себе, ни в ней. Не успел обложить ее условиями, как красными флажками, а она возьми и упорхни.

В тот день, он отчетливо это помнил, он так долго и тщательно выбирал ей украшение в подарок, что разболелась голова. Приехал домой, а ее нет. И на столе записка отвратительного содержания.

— То, что она написала это на бумаге, очень хорошо ее характеризует, — пытался часом позже утешить его Иван. — Она не сбросила тебе сообщение на телефон. Она написала это на бумаге!

— Это что-то меняет? — смотрел он на друга злыми больными глазами.

— Это в корне меняет все! Это говорит о том, что она не безмозглая дура. А серьезная женщина, которой было сложно сделать выбор, которая не хотела сделать тебе больно.

— Ты сейчас с какой целью ее расхваливаешь? — со стоном обращался к Ивану Федор. — Чтобы я окончательно понял, какую великолепную женщину потерял?..

Разговору тому было два года. После Татьяны в его доме проживало много женщин. Не одновременно, конечно, по очереди. Но ни одна из них не могла с ней сравниться.

— Хотя бы потому, что никому из них не придет в голову: взять в руки лист бумаги и авторучку.

Это он вчера вечером ворчал на Ивана, взявшегося расхваливать Виолу, проживающую у него уже как с месяц.

Девчонка была очень симпатичной, длинноногой. Обладала пухлыми губами и красивой грудью от природы. Умела вкусно готовить и быть незаметной. И все равно она его раздражала.

— Ну почему? — округлял глаза Иван, рассматривая сквозь стекло девушку, поливающую розы на участке. — Она же чудо как хороша! Работяща и ненавязчива...

— Она — не Таня. Она не может смотреть так, как она, — отмахивался Федор.

— Ну как? Ну вот как смотрит твоя Таня?

— В душу, Ваня. Она всегда смотрела мне прямо в душу...

Иван вчера пробыл недолго. Уехал, сильно его разозлив негативными отзывами о Тане. Из-за него, да-да, Федор вчера накричал на Виолу и не лег с ней вместе спать. Утром проснулся в скверном настроении, потому что вчера не было привычного секса. А обнаружив, что Виола укатила по магазинам, не дождавшись его пробуждения, разозлился еще сильнее.

Он позвонил ей, долго слушал ее нелепые объяснения. А потом отрывисто произнес:

— Можешь не возвращаться.

— Феденька, ну ты чего? Я же просто так уехала, совсем не желала тебе отомстить, — принялась она лопотать, выдавая себя с головой.

Не просто так. И отомстить желала. Вот дура! Ну что за бабы ему попадаются?

— Твои вещи пришлю с водителем. На этом все. Приедешь к дому — спушу собак.

— Но у тебя нет собак, — возразила Виола озадаченно.

— Как раз договариваюсь о покупке, — соврал он.

И, отключив телефон, дико расхохотался. Тут же смех оборвал и недоуменно уставился за окно. Оно выходило на залив, левее его дома. Правильнее, на берег залива — крутой и обрывистый, густо поросший корабельными соснами. Когда случалось ненастье и сильный ветер, сизые волны с ревом набрасывались на крутой берег, подмывая корни. Но что странно, сосны не страдали. Ни одной засохшей он не обнаружил за все это время. А живет он тут уже десять лет.

Сейчас на этом крутом берегу что-то происходило. Группа лиц, как охарактеризовал бы их Ванька, суетилась на узкой полоске суши, отделяющей воду от высокого склона. И все бы ничего, и внимания бы не обратил, если бы не представители правопорядка, которых он угадал по их форменным фуражкам и кителям.

— Ваня, там что-то случилось! — громко зашептал он, тут же позвонив другу.

— Кто-то утонул? — предположил его друг.

— Не знаю. Не пойму. Водолазов не видно. Зато вижу мужиков с лопатами. Что-то нашли. Может, схрон какой? С оружием или наркотиками?

— Может быть. Тебе что за печаль? — поинтересовался Иван.

— Интересно же, ну! Сейчас, погоди, погоди...

Федор распахнул оконные створки, высунулся наружу. И отчетливо рассмотрел, как нечто упаковывают в черный пластиковый мешок.

— Ванюша, там труп! — прошептал он трагично.

— Значит, кто-то утонул, — повторил друг со вздохом.

— Да нет же, не утопленник. Там с лопатами люди.

— Значит, кого-то откопали. — Друг помолчал и добавил с печальным вздохом: — Что гораздо хуже утопленника.

— Почему? — не понял Федор, закрывая окно.

— Если откопали, значит, кого-то когда-то там зарыли. А это уже убийство. А кто сунется на залив, кроме местных? А это значит что?

— Что?

— Что пойдут по домам. Будут вести опрос. И к тебе придут, будь уверен, — пообещал со странным удовлетворением Иван.

— А ко мне зачем?

— Ты же по соседству. Мог что-то видеть или слышать.

— Но я не видел и не слышал! — возмутился Федор.

Он подошел к посудному шкафу в простенке между окнами. Открыл его и потянулся за бокалом. Ему срочно надо было выпить. Конечно, еще только первая половина дня. Не время для тяжелого алкоголя. Но обстоятельства диктуют!

— Если не видел и не слышал, это неплохо. Но ведь ты мог и сам закопать, — вкрадчиво прого-

ворил Иван и вдруг рассмеялся: — Да шучу я. Не пугайся ты так.

— Я не пугаюсь. Я обескуражен. — Федор сделал глубокий глоток коньяка. — Еще и Виолу прогнал так некстати.

— Это действительно некстати, — тут же сделался серьезным друг. — Верни ее. Позвони и верни. Тебе нужно будет алиби. И кому, как не ей, его подтвердить?..

Ему даже звонить не пришлось. Бестолковая девушка сама явилась через пять минут после того, как они с Иваном закончили разговор. Встала у ворот с огромными пакетами и жалобно заныла в домофон.

— Впускаю, но это был первый и последний раз, когда ты исчезала из дома так внезапно, — ворчал он, забирая у нее пакеты.

— Прости, прости, прости, — прыгала она вокруг него на высоких каблуках и в короткой юбке. — Думала, ты проснешься, обнаружишь, что меня нет, и расстроишься.

Вот дура!

— Я обнаружил, что тебя нет, и... — Он поймал ее настороженный взгляд и со вздохом закончил: — И расстроился и рассердился одновременно. Так же нельзя! Я без завтрака. И...

— Милый, все сейчас сделаю. Только потерпи десять минуточек.

Босоножки на высоких каблуках улетели в угол, босые пятки зашлепали по плиткам его пола. И ровно через пять минут запахло чем-то вкусным. Какой-то сдобой.